

4. **Shestopal E. B.** The ideas, images and values of democracy in the Russian society. – [Electronic resource]. – URL: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Shestopal-2011-3.pdf (date of access: 22.01.2015).

BIBLIOGRAPHY

- Bulshchbayeva A. I., Kassenova S. A., Zhunisbekova A. A., Ubniyazova S. A., Tuljuginovna M. K.** Tolerance in the system of formation of world-view culture and spiritual and moral development. – Middle East Journal of Scientific Research. – 2013. – Vol. 17, issue 6. – P. 802–804.
- Kosenko T. S.** On the question of a changing role of the family in shaping the personality. – Philosophy of Education. – 2014. – No. 2(53). – P. 177–187.
- Kosenko T. S., Panarin B. I.** The worldview foundations of modern Russian education. – Philosophy of Education. – 2010. – No. 4(33). – P. 207–211.
- Nurullin R. A.** Personality formation and education in multicultural field of social life. – Middle – East Journal of Scientific Research. – 2014. – Vol. 21, issue 1. – P. 38–42.
- Turyszhanova R. K.** The value-goal reference points of upbringing-education. – Philosophy of Education. – 2010. – No. 4(33). – P. 197–206.
- Utegenov Z., Yessirkepov Z., Rysbaeva G.** On the socialization problems of student's personality during education and upbringing. – Life Science Journal. – 2014. – Vol. 11, issue 10. – P. 250–253.
- Vlasyuk N. N.** Global problems of education of East and West in the context of sustainable development. – Philosophy of Education. – 2011. – No. 1. – P. 182–189.
- Wernsing T., Clapp-Smith R.** Developing global leaders through building cultural self-awareness. – European Journal of International Management. – 2013. – Vol. 7, issue 5. – P. 535–549.

Принята редакцией: 07.09.2015

DOI: 10.15372/PHE20150614
УДК 001(09)+378(09)+94(47)

РОССИЙСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В XIX В.: КОНФЛИКТ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПОРЕФОРМЕННЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ

Н. П. Суханова, Б. В. Сапрыгин (Новосибирск)

В статье рассматривается наука как социальный институт, способный существовать и развиваться только в обществе, основополагающие ценности которого сов-

© Суханова Н. П., Сапрыгин Б. В., 2015

Суханова Наталья Петровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, социальных и естественнонаучных дисциплин, Новосибирский гуманитарный институт.

E-mail: konfngi@yandex.ru

Сапрыгин Борис Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: saprygin2007@yandex.ru

Sukhanova Natalia P. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Department of Philosophy, Social and Natural Sciences, Novosibirsk Humanities Institute.

Saprygin Boris V. – Candidate of Philosophical Sciences, Docent of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University.

местимы с ценностями самой науки. Анализируются материалы по истории русской науки второй половины XIX в. Акцентируется внимание на становлении отечественной науки в неразрывной связи с системой образования. Показывается, как в общественном сознании эпохи изменялся культурный климат и система ценностей в том, что касалось науки и образования. Раскрывается роль университетов в организации науки в пореформенную эпоху, рассматриваются изменения в «женском вопросе», участие общества в появлении негосударственных высших учебных заведений. Делается вывод о том, что российскому университету XIX в. в значительной степени присущи установки университета классического, гумбольдтовского, с его идеалом «чистой науки». Высказывается предположение, что именно отказ от столь укоренившихся в сознании современных ученых и деятелей образования идеалов классического университета является причиной того, что реформы в современном образовании воспринимаются столь болезненно.

Ключевые слова: наука, социальный институт, высшее образование, система ценностей, российские реформы 1860-х гг., общество, культура, гумбольдтовский университет.

RUSSIAN SCIENCE AND EDUCATION IN THE 19th CENTURY: A CONFLICT BETWEEN TRADITIONAL VALUES AND POST-REFORM ASPIRATIONS

N. P. Sukhanova, B. V. Saprygin (Novosibirsk)

The paper deals with science as a social institution that can exist and develop only in a society the fundamental values of which are compatible with its values. It analyzes materials on the history of Russian science in the second half of the 19th century. The attention is focused on the formation of national science in close connection with the educational system. It is shown how the cultural climate and value system was changing with regard to science and education in the public mind of the period. The paper discusses the role of universities in the organization of science in the post-reform era, changes in the «women's issue», and the participation of society in the emergence of non-state higher educational institutions. It is concluded that the Russian university of the 19th century is to a large extent characterized by distinctive features of the classical Humboldt University with its ideal of «pure science». It is suggested that the abandonment of the ideals of classical university so ingrained in the minds of scientists and educators is presumably the reason why the reforms in modern education are perceived as painful.

Keywords: science, social institution, higher education, value system, Russian reforms of the 1860s, society, culture, Humboldt University.

Наука появляется, существует и развивается в обществе. Как социальный институт наука не может существовать в обществе, социально-экономические условия и фундаментальные ценности которого несовместимы с ее специфическими ценностями и предъявляемыми ею требованиями. Современная наука появляется тогда, когда у соответствующего социума возникает в ней острейшая потребность. Но при этом в каждом конкретном случае в качестве непосредственных, реализаторных, причин ее возникновения выступают различные социально-экономические факторы.

Современная наука, а точнее то, что в дальнейшем станет таковой, возникла на определенном этапе исторического развития, зародившись в то

время, когда еще не было науки как массового социального института, были лишь люди, совершающие отдельные открытия и создающие инженерные изобретения, движимые идеалом научности и острейшей социальной потребностью в таких достижениях. Постепенно наука становится тем массовым социальным институтом, который известен нам сегодня. Сказанное во многом верно и в отношении возникновения и развития институционализированной системы образования (см.: [1]).

В данной статье речь идет об одном из этапов становления современной науки, а именно о становлении российской науки и российской системы университетского образования в XIX в. Кроме того, рассмотрено, как во второй половине XIX в., несмотря на относительно неблагоприятные обстоятельства, в России возникла передовая наука и высшее образование, которые в короткий срок сумели занять достойное место в ряду значимых явлений европейской культуры.

В России современная наука, являющаяся особой рациональной интеллектуальной системой, европейской по происхождению, появилась отнюдь не в благоприятном интеллектуальном окружении. Однако рационализирующее воздействие науки на это окружение привело к его качественному изменению.

В какое время, на какой ценностно-экзистенциальной основе, в каких социальных слоях сформировался интерес к науке? Произошло это в середине XIX в. Автор трудов по истории русской науки В. И. Вернадский по этому поводу писал: «Именно XIX век как раз и выдвинул в государственной жизни народный, национальный элемент и вызвал необходимость для правильного функционирования научной работы ее теснейшей связи со всей жизнью, с народом и обществом, в котором идет эта работа» [2, с. 243].

Наука является частью культуры, она неизбежно воздействует на другие элементы культуры и, конечно, сама испытывает их воздействие. В. П. Зинченко, анализируя данную проблему, представляет науку, отчужденную от культуры, «если и не пустой, то наверняка заносчивой» [3, с. 43]. Культура должна с необходимостью сохраняться как опосредствующая форма акта научного познания. Для этого требуется соответствие науки как определенной системы и нормативно-ценностной системы, существующей в обществе [4]. Очевидно, что соответствие это не может быть полным, взаимоотношения науки и общества всегда в определенной степени осложнены. Развитие науки тем более невозможно, когда нормы и ценности науки в открытой форме противостоят нормам и ценностям общества. Отношения между наукой как социальным институтом и обществом представимы как взаимообмен, когда наука получает со стороны общества поддержку и дает обществу то, что оно считает необходимым. Развитие науки не может получить оптимальное осуществление, если общество будет в этом не заинтере-

сованно, подчеркивалось А. М. Бутлеровым на одном из его выступлений в 1870 г. «Легко и привольно живется науке лишь там, – говорил он, – где она окружена полным сочувствием общества. Рассчитывать на это сочувствие наука может, если общество достаточно сближено с нею. Оно не считает тогда ее интересы чужими и осознает, что в науке лежит лучший источник его сил, что путь знания и путь развития в каком бы то ни было направлении всегда между собою совпадают. Для сближения необходимо знакомство – знакомство общества с целями науки и со средствами, которыми она их достигает» [5, с. 9].

Для существования науки необходимо, чтобы общество поддерживало ее, и эта поддержка должна быть не только материальной, но и интеллектуальной. Научная деятельность будет устойчиво воспроизводиться тогда, когда общество сможет обеспечить приток в науку новых поколений молодежи [6]. Важно также, чтобы общество видело ценность науки самой по себе, а не только как источника определенных социальных благ. Речь идет об общественном статусе науки, об ее престиже, о существовании в обществе понимания того, что занятия наукой – это дело небесполезное. Формирование такого отношения к науке со стороны общества является одним из важных моментов процесса институционализации науки [7]. Кроме того, следует помнить, что развитие науки как социального института возможно только в некоем аксиологическом пространстве, понимаемом как особый культурный климат, в котором научное знание признается в обществе как ценность, проявляются ценностные ориентации на поиск истины и создаются условия для реализации этих ориентаций [8; 9].

Существенную роль в изменении положения науки и образования в России сыграли реформы 1860-х гг., среди которых земская, судебная, городская реформы, реформы в армии, отмена крепостного права и др. [10, с. 182]. Растущая экономика, промышленность, транспорт, сельское хозяйство обусловили рост спроса на инженеров, специалистов по металлургии и машиностроению, судостроению, электромеханике, геодезии, ветеринарии и пр. [11]. Пореформенное время повысило престиж как научной, так и публицистической деятельности, были раздвинуты рамки воздействия представителей искусства и литературы на общественное мнение. «Высшее образование формально перестало быть монополией привилегированных сословий. К середине XIX в. в России сложилась система высшего образования, в которую наряду с университетами входили высшие технические, сельскохозяйственные, военные, медицинские и другие учебные заведения» [12, с. 37]. Были преобразованы в высшие учебные заведения Петербургский технический институт и Московское ремесленное училище. В 1865 г. в Москве была открыта Петровская земледельческая и лесная академия. В Риге, Киеве, Варшаве были созданы политехнические институты, в Харькове, Томске – технологические институты, в Петербурге – электротехнический. В поре-

форменный период также были открыты университеты в Томске и Одессе, они присоединились к уже существующим семи университетам в Москве, Петербурге, Киеве, Казани, Юрьеве, Варшаве и Харькове.

Высшие технические учебные заведения и университеты не только готовили специалистов, но и становились научными центрами. Центр научной работы переместился из академических учреждений в высшую школу, и это был закономерный процесс, суть которого четко выразил В. И. Вернадский: «Высшая школа не есть только учебное заведение; более того, она может почитаться высшей школой только тогда, когда она выходит из рамок школы и становится научным учреждением, когда она является независимым центром научной мысли нации» [13, с. 222].

В послереформенные годы наука в России начала развиваться в университетах более высокими темпами. Вузовская наука представляла собой внушительный научный потенциал. Благодаря А. Е. Иванову известны следующие сведения: «К началу XX в. в российских университетах, духовных академиях, ветеринарных институтах было защищено около 8000 магистерских и докторских диссертаций по фундаментальным наукам (история, философия, юриспруденция, естествознание), богословию, медицине. Обладатели ученых степеней составляли костяк отечественной научной элиты» [14, с. 185].

В отношении развития университетской науки и естествознания небезынтересна деятельность И. И. Мечникова. В докладной записке в совет Новороссийского университета «Об усилении ученой деятельности преподавателей описательных естественных наук в русских университетах» И. И. Мечников утверждает, что университеты становятся центрами передовой научной мысли, как и Академия наук, поэтому необходимо поддерживать их роль с целью повышения качества подготовки научных кадров и развития естествознания в России. «В настоящее время уже невозможно смотреть на С.-Петербургскую академию наук как на главный (и даже естественный) центр научной деятельности в России. В настоящее время у нас... столько ученых, что их не вместить и в несколько академий» [15, с. 295]. И. И. Мечников подчеркивает важность совмещения университетской профессурой преподавательской и научной деятельности. «Нет никакого сомнения, что если предлагаемые меры будут введены в употребление, то научная деятельность по естествознанию расширится у нас весьма значительно. В таком случае не далеко от нас то время, когда нашим молодым ученым окажется вовсе не нужным отправляться в немецкие университеты и когда они будут ездить за границу уже с полной подготовкой для самостоятельных научных исследований» [15, с. 296]. Позже, получив для себя разрешение на поездку, И. И. Мечников будет писать: «Все развитие естествознания за по-

следнее время показывает нам, что именно университетские профессора (за немногими исключениями) двигали науку вперед» [15, с. 296].

Об основной задаче образования и его тесной связи с наукой много думал и писал другой русский ученый – Д. И. Менделеев, идеи которого не утратили актуальности и сегодня. Он считал, что университеты не для того лишь учреждаются, чтобы выдавать дипломы и знакомить с предметом; это только одна, неизбежная, первичная сторона, «но есть другая, высшая, сторона, которая и... дает тот оттенок университетскому знанию, который должен быть назван духом университета... Он состоит или нередко может касаться, по крайней мере, что он состоит в каком-то... влиянии на общество каким-то особенным образом... Этот дух состоит исключительно и всецело, в существе, только в одном: в стремлении достигнуть истину во что бы то ни стало – не практическую пользу, не личное улучшение, не каких бы то ни было этих политических и экономических улучшений, – все это сбоку, все это приделки, все это есть не что иное, как атрибуты, члены основного, однако исключительного стремления, – это достижение истины во что бы то ни стало и как бы то ни было... истина не спрятана от людей, она среди нас, во всем мире рассеяна. Ее везде искать можно: и в химии, и в языкознании – во всем том, что направлено к отысканию истины, – оттого-то это все и соединяется в университете... И вот это-то стремление к пониманию истины во всей ее чистоте и совершенстве и составляет единственный, истинный дух университетов» [16, с. 188–189]. Конечная цель образования связана с раскрытием личности, обретением собственного «Я» посредством приобщения к культурным ценностям науки и искусства, нравственности и религии, экономики и права [17].

Очевидно, что сформулированные таким образом цели и задачи университета – это в значительной степени цели и задачи классического гумбольдтовского университета с его стремлением к «чистой» науке, «науке ради науки». В нем отражаются характерные для классического университета ценности: свобода преподавания и обучения (Lehr- und Lernfreiheit), единство преподавания и исследования (Einheit von Lehre und Forschung), единство гуманитарных и естественных наук (Einheit der Wissenschaft), приоритет «чистой науки» перед специализированным профессиональным обучением [18]. И эта схожесть не случайна. Как известно, привнесение элементов гумбольдтовского университета в российскую систему университетского образования осуществлялось прежде всего такими видными российскими деятелями, как С. С. Уваров, Т. Н. Грановский, В. И. Герье. Поэтому вполне естественно, что русская наука была тесно связана с образованием. Крупным научным центром страны во второй половине XIX в. оставался Московский университет. Здесь преподавали и одновременно вели исследования профессора В. О. Ключевский, В. В. Марковников, С. М. Соловьёв, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев, Б. Н. Чичерин, А. Н. Чупров и другие

известные ученые. Многие из них стали основоположниками отечественных научных школ.

Ярким примером исполнения роли университетов в организации отечественной науки второй половины XIX в. может служить Петербургский университет. Здесь преподавали А. М. Бутлеров, В. В. Докучаев, Н. И. Кареев, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, П. Л. Чебышев и др. В течение второй половины XIX в. университет дал стране 11 277 специалистов [19]. Результаты наиболее важных студенческих работ печатались в журналах научных обществ и изданиях Академии наук.

В 60-е гг. XIX в. произошли перемены и в «женском вопросе», который волновал все общество. Многие считали необходимым получение высшего образования женщинами, но было велико и число противников. Далеко не все считали женщину способной к получению высшего образования. Среди чиновников от ведомства просвещения довольно распространено было мнение о том, что умственные возможности женщины невелики и она не способна изучать анатомию или воспринимать сухие юридические сведения, не способна к глубоким филологическим изысканиям. Между тем требования женского равноправия в сфере высшего образования, как пишет А. Е. Иванов, «слились в широкую общественную кампанию. В нее включились профессура, депутаты Государственной думы, земства, неправительственные организации. Наиболее деятельно и результативно в этой кампании участвовал академический корпус, хотя и в нем были те, кто никак не хотел мириться с присутствием женщин в высших учебных заведениях» [20, с. 113]. Равноправия женщин требовали представители различных кругов российской общественности. Немаловажную роль играл и тот факт, что призывы к эмансипации женщин стали звучать с думской трибуны, что придало им большую общественную значимость.

На рубеже 60–70-х гг. XIX в. развивается высшее образование для женщин, создаются высшие женские курсы в Москве, Петербурге, Казани, Киеве [21]. Их появление оказалось возможным благодаря частной и общественной инициативе. «Материальная база высшей женской школы формировалась за счет частных пожертвований и взимания платы за обучение» [10, с. 164]. Курсы работали по университетской программе, но их окончание до начала XX в. не давало женщинам прав на работу по специальности. В 1859–1911 гг. женщины были допущены в университеты на правах вольнослушательниц. Однако Устав 1869 г. запрещал женщинам учебу в университете, поэтому многие были вынуждены учиться за границей. Наиболее гостеприимными оказались университетские центры Швейцарии и особенно Цюрих, где в 1873 г. проходили обучение 103 женщины из России. В 1870-е гг. в университете Цюриха русские составляли 80% всех иностранных студенток.

Наряду с государственными открывались частные учебные заведения. Пожертвования и отчисления в пользу высшей школы росли и множились [22]. Она перестает быть объектом только государственного внимания, все больше общество проявляет заинтересованность ее развитием. Пермский университет не возник бы (да еще три факультета сразу), если бы Н. В. Мешков не пожертвовал ему часть своих миллионов. Общество для доставления средств ВЖК давало Бестужевским курсам около трети их бюджета (1916–1917 гг.). Материальный актив Общества еще в начале века превысил миллион рублей. В 1907 г. издатель П. П. Сойкин подарил В. М. Бехтереву по его просьбе средства на строительство Психоневрологического института.

В 1905 г. А. Л. Шанявский направил в Московскую городскую думу заявление: «В нынешние тяжелые дни нашей общественной жизни, признавая, что одним из скорейших способов ее обновления и оздоровления должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатии народа к науке и знанию – этим источникам добра и силы, – я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребности высшего образования. Поэтому я прошу Московское городское общественное управление принять от меня, для почина, в дар городу Москве подробно описанное ниже недвижимое имущество, дом с землею для устройства в нем или из доходов с него народного университета» [23, с. 29].

В 1908 г. Московская городская дума открыла Университет им. А. Л. Шанявского. В него принимались лица всех сословий, вероисповеданий, как мужчины, так и женщины, без предъявления документов об образовании. В нем было два отделения: научно-популярное, которое давало общее среднее образование, и академическое, где можно было получить высшее образование по общественно-философским и естественноисторическим наукам. Также при университете работали курсы кооперации, библиотечной работы, дошкольного воспитания и внешкольного образования. «За 1909–1917 гг. университет получил пожертвований на миллион рублей с четвертью» [24].

В университете А. Л. Шанявского слушали лекции многие выдающиеся уже тогда или впоследствии люди (например, С. А. Есенин или Н. В. Тимофеев-Ресовский). Лекторами здесь были Е. Н. Трубецкой, П. П. Блонский, Ю. В. Готье, М. М. Ковалевский. Выдающийся отечественный биолог Н. К. Кольцов отметил, что «получил возможность создать в университете Шанявского хорошую исследовательскую лабораторию» [25, с. 27]. На кафедре Н. К. Кольцова получили образование и работали такие крупные в будущем исследователи, как А. С. Серебровский, М. М. Завадовский, С. Н. Скадовский и др.

Отношение к науке и образованию в обществе неуклонно менялось, подтверждением чему явилась и дискуссия о роли науки в деле просвеще-

ния, имевшая место в 60-е гг. XIX в. Именно тогда университетский вопрос прочно приковал к себе общественное внимание. Не только в ученых кругах, но и на страницах печати – столичной и провинциальной, общей и специальной – шли горячие споры о русских университетах. Споры захватили журналы и газеты всех направлений, прежде всего либеральные. Об университетах размышляли, говорили, писали, спорили ученые, писатели, публицисты. Политические деятели отводили им видные места в своих планах и расчетах [26, с. 75].

Таким образом, внедрение образования и науки в российскую культуру происходило постепенно. Однако взаимообмен состоялся: наука и образование получают поддержку в обществе и сами дают обществу то, что оно полагает востребованным.

Как уже было сказано выше, российскому университету XIX в. в значительной степени присущи установки университета классического, гумбольдтовского, с его идеалом «чистой науки», когда научная деятельность – это, скорее, бескорыстное служение великому, а не просто работа с целью обеспечить свое материальное благополучие, когда получение ученой степени – это не всего лишь еще один шаг на пути повышения академической квалификации, а награда за заслуги перед истиной. Эти установки в дальнейшем прослеживаются на протяжении всей истории российской науки и образования и, по всей видимости, доживают до нашего времени. Наверное, этим во многом и объясняется та болезненность, с которой принимаются реформы в современном образовании в нашей стране – реформы, которые осуществляются по лекалам англо-американских университетов: ведь вместо ориентации на чистые, непрактичные научные истины людям предлагают новые, приземленные, материально ориентированные ценности. Имеет место отказ от «метафизической культуры», как это можно было бы назвать вслед за Р. Рорти (см., напр.: [27]), и переход к культуре прагматизма и меркантилизма, что так болезненно воспринимается носителями европейской традиции, и не только в нашей стране, но и в Европе в целом (ср.: [18], см. также: [9]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лигостаев А. Г., Сапрыгин Б. В.** О социально-экономических причинах возникновения науки и образования // Философия образования. – 2015. – № 4 (61). – С. 166–175.
2. **Вернадский В. И.** Труды по истории науки в России. – М., 1988. – 336 с.
3. **Зинченко В. П.** Наука – неотъемлемая часть культуры? // Вопросы философии. – 1990. – №1. – С. 33–50.
4. **Суханова Н. П.** Ценностные факторы и процесс формирования научного знания // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Научно-практический журнал. – 2014. – № 2 (14). – С. 103–113.
5. **Бутлеров А. М.** Сочинения. – М., 1958. – Т. 3: Научно-популярные, исторические, критико-библиографические и другие работы по химии. Путешествия. – 430 с.

6. **Суханова Н. П.** Формирование научных традиций и преемственности: из истории отечественного естествознания // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Научно-практический журнал. – 2011. – № 7. – С. 52–61.
7. **Суханова Н. П.** Система науки и образования в дореформенной России: социокультурный анализ // М. В. Ломоносов – великий русский ученый-энциклопедист, литератор, гуманист: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции (17–18 ноября 2011 г.). – Новосибирск, 2011. – Ч. 1. – С. 99–106.
8. **Кузнецова Н. И.** Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII – середина XIX вв.). – М., 1997. – 264 с.
9. **Oleinikova O. D., Saprygin B. V.** The axiological coherence between the free market paradigm of education and the consumer society. – *Philosophy of Education*. – 2013. – No. 6. – P. 81–87.
10. **Социальная история России.** Век XIX. Курс лекций / под общ. ред. В. И. Жукова. – М., 1998. – Т. II. – 225 с.
11. **Дергачев А. Ю.** Возникновение научных обществ в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Научно-практический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 133–139.
12. **Щеглинина Г. И.** Университеты в России и устав 1884 года. – М.: Наука, 1976. – 232 с.
13. **Вернадский В. И.** Начало и вечность жизни. – М., 1989. – 703 с.
14. **Иванов А. Е.** Ученые степени в Российской империи. XVIII в., 1917 г. – М., 1994. – 198 с.
15. **Мечников И. И.** Этюды оптимизма. – М., 1987. – 328 с.
16. **Фигуровский Н. А.** Дмитрий Иванович Менделеев. – М., 1983. – 287 с.
17. **Суханова Н. П.** Образование как забота о себе: обретение человеком своей целостности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. Научно-практический журнал. – 2014. – №3 (15). – С. 140–142.
18. **Ash M.** Bachelor of What, Master of Whom? The Humboldt Myth and Historical Transformations of Higher Education in German-Speaking Europe and the US // *European Journal of Education*. – 2006. – Vol. 41, no. 2. – P. 245–267.
19. **Соболева Е. В.** Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983. – 262 с.
20. **Иванов А. Е.** Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М., 1999. – 414 с.
21. **Федосова Э. П.** Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). – М., 1980. – 144 с.
22. **Иванов А. Е.** Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991. – 392 с.
23. **Шноль С. Э.** Герои и злодеи российской науки. – М., 1997. – 464 с.
24. **Федоров С.** И в частности – о высшей школе // *Знание – сила*. – 1991. – №2. – С. 50–52.
25. **Кольцов Н. К.** Организация клетки. Сборник экспериментальных исследований, статей и речей 1903–1935 гг. – М.; Л., 1936. – 652 с.
26. **Эймонтова Р. Г.** Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. – М., 1993. – 272 с.
27. **Рорти Р., Ваттимо Дж., Забала С.** Каково будущее религии после метафизики? // *Логос*. – 2008. – № 4 (67). – С. 93–110.

REFERENCES

1. **Ligostaev A. G., Saprygin, B. V.** On the socio-economic causes of the emergence of science and education. – *Philosophy of Education*. – 2015. – No. 4(61). – P. 166–175.
2. **Vernadsky V. I.** Works on the history of science in Russia. – Moscow, 1988. – 336 p.
3. **Zinchenko V. P.** Is science an integral part of culture? – *Issues of Philosophy*. – 1990. – No 1. – P. 33–50.
4. **Sukhanova N. P.** Value factors and the formation of scientific knowledge. – *The Humanities and Education in Siberia. Theoretical and Practical Journal*. – 2014. – No. 2 (14). – P. 103–113.

5. **Butlerov A. M.** Works. Volume 3. Popular science, historical, critical, bibliographic and other works on chemistry. Travels. – Moscow, 1958. – 430 p.
6. **Sukhanova N. P.** The formation of scientific traditions and continuity: from the history of the national natural science. – The Humanities and Education in Siberia. Theoretical and Practical Journal. – 2011. – No. 7. – P. 52–61.
7. **Sukhanova N. P.** The system of science and education in the pre-reform Russia: sociocultural analysis. – M. V. Lomonosov – a great Russian scholar, person of encyclopedic knowledge, man of letters, humanist: Materials of the interuniversity scientific-theoretical conference (November 17–18, 2011). – Novosibirsk, 2011. – P. 1. – P. 99–106.
8. **Kuznetsova N. I.** Sociocultural problems of the formation of science in Russia (the 18th – the middle of the 19th centuries). – Moscow, 1997. – 264 p.
9. **Oleinikova O. D., Saprygin, B. V.** The axiological coherence between the free market paradigm of education and the consumer society. – Philosophy of Education. – 2013. – No. 6. – P. 81–87.
10. **The social history of Russia.** The 20th century. A lecture course. Vol. II. – Ed. V. I. Zhukov. – Moscow, 1998. – 225 p.
11. **Dergachev A. Yu.** The emergence of scientific societies in Siberia (late 19th – early 20th century). – The Humanities and Education in Siberia. Scientific and practical journal. – 2014. – No. 3(15). – P. 133–139.
12. **Shchetinina G. I.** Universities in Russia and the 1884 Statute. – Moscow, 1976. – 232 p.
13. **Vernadsky V. I.** The beginning and eternity of life. – Moscow, 1989. – 703 p.
14. **Ivanov A. E.** Academic degrees in the Russian Empire. 18th century – 1917. – Moscow, 1994. – 198 p.
15. **Mechnikov I. I.** Etudes of optimism. – Moscow, 1987. – 328 p.
16. **Figurovsky N. A.** Dmitry Ivanovich Mendeleev. – Moscow, 1983. – 287 p.
17. **Sukhanova N. P.** Education as taking care of oneself: Finding one's integrity. – The Humanities and Education in Siberia. Scientific and practical journal. – 2014. – No. 3(15). – P. 140–142.
18. **Ash M.** Bachelor of What, Master of Whom? The Humboldt Myth and Historical Transformations of Higher Education in German-Speaking Europe and the US. – European Journal of Education. – 2006. – Vol. 41, no. 2. – P. 245–267.
19. **Soboleva E. V.** The organization of science in the post-reform Russia. – Leningrad, 1983. – 262 p.
20. **Ivanov A. E.** University students in Russia in the late 19th – early 20th century: social and historical destiny. – Moscow, 1999. – 414 p.
21. **Fedosova E. P.** Bestuzhev courses – the first women's university in Russia (1878–1918). – Moscow, 1980. – 144 p.
22. **Ivanov A. E.** Higher School in Russia in the late 19th – early 20th century. – Moscow, 1991. – 392 p.
23. **Shnoll S. E.** Heroes and villains of the Russian science. – Moscow, 1997. – 464 p.
24. **Fedorov S.** On higher school in particular. – Knowledge is power. – 1991. – No. 2. – P. 50–52.
25. **Koltsov N. K.** Cell organization. Collection of experimental studies, articles and speeches, 1903–1935. – Moscow; Leningrad, 1936. – 652 p.
26. **Eymontova R. G.** Russian universities on the path of the reform: the sixties of the 19th century. – Moscow, 1993. – 272 p.
27. **Rorty R., Vattimo G., Zabala S.** What is Religion's Future after Metaphysics? – Logos. – 2008. – No. 4(67). – P. 93–110.

BIBLIOGRAPHY

Anderson R. Before and after Humboldt: European Universities between the Eighteenth and the Nineteenth Century. – History of Higher Education Annual. – 2000. – No. 20. – P. 5–14.

Andreev A. Yu. «Göttingen soul» of Moscow State University (From the history of scientific relationships of Moscow and Göttingen in the early 19th century). – Issues of history of science and technology. – 2000. – No. 2. – P. 71–113.

- Andreev A. Yu.** Russian universities of the 18th – the first half of the 19th centuries in the context of university history of Europe. – Moscow, 2009.
- Bernal J. D.** Science in History. – Moscow, 1956.
- Budilova E. A.** Socio-psychological problems in Russian science. – Moscow, 1983.
- German** Universities Past and Future: Crisis or Renewal? – Ed. M. G. Ash. – Oxford, 1997.
- Grant K. A.** Tacit Knowledge Revisited – We Can Still Learn from Polanyi. – The Electronic Journal of Knowledge Management. – Vol. 5, Issue 2. – P. 173–180. – [Electronic resource]. – URL: www.ejkm.com (date of access: 05.01.2015).
- Kochergin A. N.** Science and its place in the culture as a complex problem. – Science and its place in the culture. – Novosibirsk, 1990.
- Kosenko T. S.** The problems of axiological understanding of the educational process. – Philosophy of education. – 2004. – No. 9. – P. 154–158.
- Krashen S.** Language acquisition and language education: Extensions and applications. – Prentice Hall International, 1989.
- McClelland C.** Modern German Universities and Their Historians since 1989. – Journal of Modern History. – 2005. – No. 77. – P. 138–159.
- Polanyi M.** Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. – London, 2002.
- Romanovskaya T.** The science of the 19th – 20th centuries in the context of cultural history. – Moscow, 1995.
- Simons M., Haverhals B., Biesta G.** The university revisited. – Studies in Philosophy and Education. – 2007. – No. 26(5). – P. 395–404.
- Thwing C. F.** The American and the German University: One Hundred Years of History. – New York, 1928.
- Veysey L. R.** The Emergence of the American University. – Chicago, 1965.
- Yurevich A. V.** National peculiarities of Russian science. – Science studies. – 2000. – No. 2. – P. 9–23.
- Zhukovskaya T. N.** Universities and university traditions in Russia: lecture course. – Petrozavodsk, 2011.

Принята редакцией: 14.10.2015

DOI: 10.15372/PHE20150615

УДК 13+37.0(574)

СМЫСЛОВЫЕ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

М. Ш. Хасанов, В. Ф. Петрова (Алматы, Казахстан)

В статье рассматриваются вопросы смысловых ценностей отечественного образования в свете стратегии развития «Казахстан – 2050». Отмечается, что измене-

© Хасанов М. Ш., Петрова В. Ф., 2015

Хасанов Марат Шамуратович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Казахский национальный университет имени аль-Фараби.

E-mail: Hasanov.marat.41@mail.ru

Петрова Вера Филипповна – доктор философских наук, профессор кафедры СГД, Евразийский технологический университет.

E-mail: Verapetrova50@mail.ru.

Khasanov Marat Sh. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of philosophy, Al-Farabi Kazakh National University.

Petrova Vera F. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Social Disciplines and Humanities, Eurasian Technological University.